

Константин Михайлович Станюкович
Беспокойный адмирал
Серия ««Морские рассказы»»

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 июля 2002 года
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137000
К.М.Станюкович. «Морские рассказы»: Издательство
«Художественная литература»; Москва; 1973

Содержание

I	4
II	13
III	19
IV	23
V	36
VI	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Константин Михайлович Станюкович Беспокойный адмирал

I

В это прелестное, дышавшее свежестью раннее утро в Тихом океане на вахте флагманского корвета «Резвый» стоял первый лейтенант Владимир Андреевич Снежков, прозванный в шутку матросами «теткой Авдотьей».

Прозвище это не лишено было меткости.

Действительно, и в полноватой фигуре лейтенанта, и в его круглом и рыхлом, покрытом веснушками лице, и в его служебной суетливости, и в тоненьком, визгливом тенорке было что-то бабье.

Собой Владимир Андреевич был далеко не казист. Благодаря своим выкатившимся рачьим глазам он всегда имел несколько ошалелый вид. У него были рыжие жидкие бакки и усы, очень толстые губы и большой неуклюжий мясистый нос, украшенный крупной бородавкой. Эту бородавку, смущавшую лейтенанта особенно перед приходами в порты, корветский доктор хвастливо обещал свести, но до сих пор не свел, к большому огорчению Владимира Андреевича.

Обыкновенно бывавший на вахтах в удрученном томлении трусливого человека, ожидавшего «разноса», Снежков сегодня находился в хорошем расположении духа. Он с беззаботным видом шагал себе по мостику, посматривая то на океан, кативший с тихим гулом свои могучие волны, сверкавшие под ослепительными лучами солнца, то на надувшиеся белые паруса, мчавшие «Резвый» благодаря ровному попутному ветру до десяти узлов в час, то на только что вымытую палубу, на которой происходила теперь ожесточенная обычная утренняя чистка, то на клипер «Голубчик», который, слегка накренившись, похожий на белоснежную чайку, несясь чуть-чуть впереди, убравши брамсели, чтоб уменьшить свой бег и не «показывать пяток», как говорят моряки, корвету, с которым, по приказанию адмирала, шел соединенно от Сан-Франциско до Нагасаки.

По временам Владимир Андреевич, несмотря на свой солидный вид человека, отзвонившего в лейтенантском чине двенадцать лет и недавно отпраздновавшего тридцатипятилетнюю годовщину, даже тихонько подсвистывал игривый вальсик, слышанный им в сан-францисском кафешантане и живо напоминавший ему о знакомстве с очаровательной певичкой американкой.

Воспоминания об этих недавних днях были приятные, черт возьми! Нужды нет, что в две недели стоянки певичка заставила своего влюбленного поклонника спустить не только жалованье за два месяца, но и все его небольшие сбере-

жения за два года плавания. Он об этом не жалеет, до того неотразима была эта мисс Клэр, пухленькая блондинка с золотистыми волосами и карими глазками, сразу овладевшая мягким сердцем Владимира Андреевича, как только он съехал на берег после месячного перехода, увидел эту мисс и, познакомившись, пригласил ее любезной пантомимой вместе поужинать.

Небось он отлично объяснялся с ней, и чем дальше, тем лучше, несмотря на то, что знал по-английски не более десятка-другого слов. Но зато каких слов! Все самых существенных и нежных, которые он добросовестно вызубрил по лексикону и повторял в различных комбинациях, подкрепляя их мимикой, особенно выразительной после двух-трех бутылок шампанского.

Слава богу, ему не нужно было прибегать к помощи кого-нибудь из товарищей, знающих английский язык, как он имел глупость делать прежде. Теперь он и сам храбро выпаливал английские слова, не заботясь ни о малочисленности, ни об их логической связи. Придет он к мисс Клэр в гостиницу, поклонится, поцелует ручку, сядет около и, воззрившись на нее, словно кот на сало, начнет, как он выражался, «отжаривать»:

– Добрый день... милая... очень рад... который час... отлично... как ваше здоровье... очаровательная... выпить, ехать... ножки... ручки... очень хорошо... восторг...

«Отжарив» эти слова, он начинал снова, но уже в обрат-

ном порядке, начиная с «восторга» и кончая «добрым днем», и разговор выходил хоть куда! Мисс Клэр хохотала как сумасшедшая, трепала лейтенанта по рыхлой щеке и отвечала милыми речами. Что она ему говорила, Снежков, разумеется, и до сих пор не знает, но тогда он делал вид, что все понимает, убеждая ее в этом весьма простым способом: он вынимал из кармана несколько золотых монет, больших, средних и малых, клал их на свою широкую пухлую ладонь и предлагал знаками выбрать одну из них на память.

Но американка с такой ловкостью стягивала своей маленькой ручкой сразу все монеты с ладони лейтенанта, что он приходил в восхищение и после такого фокуса в восторге лепетал свои заученные слова.

Никогда впредь не обратится он в таких делах к чужому посредничеству. Знает он этих переводчиков! Влюбчивый и ревнивый, Владимир Андреевич не забыл и теперь, как года полтора тому назад с ним бессовестно поступил мичман Щеглов в Каптауне. Нечего сказать, благородно!

В качестве переводчика мичман обедал на счет Владимира Андреевича в обществе строгой на вид, чинной и красивой англичанки не первой молодости, «благородной вдовы, случайно попавшей в Каптаун после кораблекрушения, лишившего ее всего состояния», которую лейтенант, при любезном посредстве мичмана, не замедлил пригласить обедать в номер гостиницы после первой же встречи на улице и краткого знакомства с ее биографией.

Казалось, Щеглов самым добросовестным образом переводил комплименты и излияния лейтенанта, уплетая при этом вкусный заказной обед с волчьим аппетитом двадцатилетнего мичмана. Казалось, что и англичанка, работавшая своими челюстями с не меньшим усердием, чем мичман, пившая не хуже самого Владимира Андреевича и ставшая к концу обеда менее строгой на вид, довольно милостиво слушала переводчика, бросая по временам благосклонные взгляды на амфитриона, пожиравшего жадными взглядами и белую шею, и полные руки этой дамы. Оставалось только разведать о наилучших путях к сердцу «благородной вдовы, потерпевшей кораблекрушение». И эту щекотливую миссию Щеглов исполнил, по-видимому, вполне удовлетворительно, так что Владимир Андреевич на радостях потребовал еще шампанского. Затем последовали коньяк и кофе, и когда лейтенант вышел на минутку в сад, чтобы несколько освежить голову после капских вин, шампанского и коньяку, и затем вернулся в номер, ни вдовы, ни мичмана не было. Лакей доложил, что они уехали кататься и обещали скоро вернуться, и подал кругленький счетец.

Взбешенный Владимир Андреевич напрасно прождал их до позднего вечера. Они так и не приехали, а мичман, на следующее утро вернувшийся на корвет, с самым серьезным видом утверждал, что «благородная вдова, потерпевшая крушение», внезапно почувствовала себя нездоровой и настойчиво просила ее увезти.

– Что мне было делать?.. Согласитесь, что я не виноват, Владимир Андреевич... И она, знаете ли, не какая-нибудь авантюристка, а настоящая леди!.. – прибавил мичман, подавляя улыбку.

С тех пор Владимир Андреич уж не брал с собой на берег переводчиков, а принялся за лексикон. И опыт в Сан-Франциско доказал, что он отлично может объясняться по-английски.

Лейтенант снова взглянул на паруса – стоят отлично; взглянул на компас – на румбе; озабоченно взглянул на люк адмиральской каюты – слава богу, закрыт.

И он опять зашагал по мостику.

После воспоминаний о прошлом в его голове проносились приятные мысли о близком будущем. В самом деле, плавание предстояло заманчивое. И флаг-капитан и флаг-офицер еще вчера положительно утверждали, что «Резвый» из Нагасаки пойдет в Австралию и посетит Сидней и Мельбурн, а «Голубчик» отправится в Гонконг для осмотра своей подводной части в доке, а оттуда в Новую Каледонию, где должен ожидать «Резвого» с адмиралом... Бедный «Голубчик»! – ему не «пофартило». Новая Каледония с дикими черномазыми дамами!

«А Сидней и Мельбурн – отличные порты, не то что эти китайские и японские трущобы с узкоглазыми туземками, достаточно-таки надоевшими», – размышлял Владимир Андреевич и, предвкушая будущие удовольствия, весело улыб-

нулся и опять стал подсвистывать, вызывая некоторое недоумение в сигнальщике, который привык видеть на вахте Снежкова всегда озабоченным, суетливым и удрученным.

«Что за диковина? Тетка Авдотья веселая!» – подумал сигнальщик.

Подобное необычайное настроение Владимира Андреевича с подсвистыванием и приятными воспоминаниями объяснялось исключительно тем счастливым обстоятельством, что «беспокойный адмирал», как звали про себя начальника эскадры солидные капитаны и лейтенанты, или «свирепый Ванька» и «глазастый черт», как более образно втихомолку выражались легкомысленные мичмана и гардемарины, ни разу не выходил наверх во время его вахты и – бог даст! – не выйдет до подъема флага, до восьми часов, когда вахта окончится. Вчера беспокойный адмирал поздно лег спать и, верно, проспит долго!

Все на корвете боялись беспокойного адмирала, но никто так не трусил его, как Владимир Андреевич. Усердный служака, но далеко не моряк по призванию, нерешительный, трусливый и достаточно-таки рохля, он в присутствии адмирала совсем терялся, и робкая его душа замирала от страха, что ему «попадет». Ему действительно довольно-таки часто попадало, и Владимир Андреевич краснел и пыхтел, шептал молитвы и старался не попадаться на глаза адмиралу, когда только это было возможно. Он малодушно прятался за мачту во время авралов, избегал выходить наверх, если наверху

был «глазастый дьявол», за обязательными обедами у него не открывал рта, испытывая робость и смущение; во время вспыльчивых его припадков, когда адмирал, случалось, бушевал наверху, топтал ногами фуражку и прыгал на палубе, словно бесноватый, грозя повесить или расстрелять какого-нибудь мичмана или гардемарина, которого через час другой звал к себе в каюту и дружески угощал, – в такие минуты Владимир Андреевич, совсем не понимавший натуры этого беспокойного адмирала и привыкший бояться всякого начальства, положительно трепетал и, по словам зубоскалов мичманов, тотчас же заболел *febris gastrica*¹.

– И боится же наша тетка Авдотья адмирала! – смеялись, бывало, матросы на баке, когда речь заходила о лейтенанте.

– Робок очень, и нет в ем никакой флотской отважности... Совсем береговой человек! – объяснял боцман трусливость Владимира Андреевича.

– От этого самого он и суется без толку на вахте... Опасается, значит, адмирала! – замечали старые матросы.

Посмеивались над ним и в кают-компани за эту трусость, и мичмана советовали взять да и «развести»² с адмиралом, но Владимир Андреевич только отмахивался безнадежно руками и решительно изумлялся, что были такие смельчаки, которые «разводили» с адмиралом, и что это проходило им

¹ Желудочной лихорадкой (лат.).

² «Развести» на морском жаргоне значит: поговорить крупно с начальством. (Прим. автора.)

совершенно безнаказанно. Сам он об этом не решался и подумать и молил только бога, как бы поскорей вернуться в Россию и получить там спокойное береговое местечко, а не то — какой-нибудь маленький пароходик или канонерскую лодку в командование и находиться подалее от всяких адмиралов и вообще от высшего начальства.

К этим далеко не честолюбивым мечтаниям присоединялась всегда и мечта о подруге жизни в образе какой-нибудь недурненькой женщины — брюнетки — или блондинки, это было для женолюбивого Владимира Андреевича безразлично, — но только обязательно не худощавой. Худощавых дам он не одобрял, не предвидя тогда, что судьба даст ему в жены именно худощавую, да еще какую!

II

На баке только что пробило четыре склянки. Был седьмой час в начале, как из-под юта, где находилось адмиральское помещение, лениво выползла маленькая круглая фигурка курносого человека лет тридцати, с краснощеким, заспанным и несколько наглым лицом, опущенным черной кудрявой бородкой, в люстриновом пиджаке поверх розовой ситцевой сорочки, в белых штанах и в стоптанных туфлях, надетых на грязные босые ноги.

Этот единственный на корвете «вольный», как зовут матросы всякого невоенного, был адмиральский лакей Васька, продувная бестия из кронштадтских мещан, ходивший с адмиралом во второе кругосветное плавание, порядочно-таки обкрадывавший своего холостяка барина и пускавшийся на всякие обороты. Он давал гардемаринам под проценты деньги, снабжал их по баснословной цене русскими папиросами и вообще человек был на все руки.

При виде адмиральского камердинера с металлическим кувшинчиком в руке все приятные воспоминания и вообще неслужебные мысли разом выскочили из головы Владимира Андреевича, лицо его тотчас же приняло тревожно-озабоченное выражение и взгляд сделался еще более ошалелым.

– Васька! – тихо окликнул он адмиральского камердинера, когда тот был у мостика.

Васька галантливо приподнял с черноволосой кудластой головы красную шелковую жокейскую фуражку – предмет его особенного щегольства перед баковой аристократией – и приостановился, зевая и щуря на солнце свои бегающие, как у мыши, плутовские карие глаза.

– Встал? – беспокойно спросил Владимир Андреевич, значительно понижая свой визгливый тенорок, и мотнул головой по направлению адмиральского помещения.

– Встает... Только что проснулся. Сегодня бреемся. Вот за горячей водой иду! – развязно отвечал Васька, взглядывая на вахтенного начальника с снисходительной улыбкой, которая, казалось, говорила: «И чего ты так боишься адмирала?»

И, словно желая успокоить Снежкова, прибавил фамильярным тоном, каким позволял себе говорить с некоторыми офицерами:

– Раньше как через полчаса, а то и час, он не выйдет, Владимир Андреевич. При качке-то скоро не выбреешься, какой ни будь нетерпеливый человек. На прошлой неделе щеки-то порезал от своей скорости.

И Васька направился далее, умышленно замедляя шаги.

«Я, дескать, не очень-то спешу для адмирала, которого вы все боитесь!»

Владимир Андреевич немедленно засуетился. Он первым делом озабоченно поднял голову, взглядывая на верхние паруса. Теперь ему казалось, что марсели и брамсели не вытянуты как следует, и он скомандовал подтянуть шкоты. А за-

тем понесся на бак осмотреть кливера.

– Кливера не до места, не до места... Как же это? – с жалобным упреком и с выражением страдания на лице обратился Владимир Андреевич к вахтенному гардемарину, который с самым беспечным видом коротал вахту, разгуливая по баку.

– Кажется, кливера до места, Владимир Андреич.

– Вам кажется, а мне попадет!.. Не вам, а мне!.. Адмирал увидит и... Скорей вытяните кливер-шкоты...

– Есть! – отвечал гардемарин.

– Да снасти... приберите их... Боцман! ты чего смотришь, а?

Подскочивший с засученными до колен штанами пожилой боцман, который с раннего утра усердствовал, наблюдая за чисткой и надрывая горло от ругани, докладывал успокоительным тоном:

– Уборка еще не окончена, палуба мокрая, ваше благородие! Как, значит, справимся с уборкой, тогда и снасть уберем, ваше благородие!

– А ты поторапливай уборку, поторапливай, братец!

– Есть, ваше благородие!

В официально-почтительном взгляде боцмана скользнула улыбка. И он подумал: «И с чего ты зря суетишься?»

– И вообще... – снова начал было Владимир Андреевич.

Но так как он решительно не знал, что еще «вообще» сказать, то, оборвав фразу, побежал назад, покрикивая занятым

чистой матросам:

– Пошевеливайся, братцы, пошевеливайся!

Матросы усмехались и вслед ему говорили:

– Видно, адмирал скоро выйдет, что тетка Авдотья забегала.

Поднявшись на мостик, Владимир Андреевич зашагал, тревожно осматриваясь вокруг. Он то и дело подходил к компасу, чтобы посмотреть, по румбу ли идет корвет, взгляды-вал на надувшийся вымпел, чтобы удостовериться, не зашел ли ветер, – словом, обнаруживал тревожное усердие. И когда на мостик поднялся старший офицер, который с раннего утра тоже носился по всему корвету как оглашенный, при-сматривая за общей чисткой, Владимир Андреевич поторопился ему сообщить, что адмирал встает.

– Бриться только будет! – прибавил он.

– Ну и пусть себе встает! – равнодушным, по-видимому, тоном проговорил длинный, высокий и худой старший офи-цер, с очками на близоруких глазах. – Придаться ему, ка-жется, не за что... У нас все, слава богу, в порядке... А впро-чем, кто его знает?... С ним ни за что нельзя ручаться!.. И не ждешь, за что он вдруг разнесет! – с внезапным раздражени-ем прибавил старший офицер.

– То-то и есть! – как-то уныло подтвердил Владимир Ан-дреевич.

Расставив свои длинные ноги, старший офицер поднял го-лову и стал оглядывать паруса и такелаж.

– Что, кажется, стоят хорошо, Михаил Петрович? Все до места? Реи правильно обрасоплены? – спрашивал Снежков с тревогой в голосе, ища одобрения такого хорошего моряка, как старший офицер.

– Все отлично, Владимир Андреич... Не волнуйтесь напрасно, – успокоил его старший офицер после быстрого осмотра своим зорким морским взглядом парусов... – А ветерок-то славный... Ровный и свеженький... Как у нас ход?

– Десять узлов.

– С таким ветерком мы скоро и в Нагасаки прибежим... А «Голубчик» лучше нашего ходит... Ишь, брамсели убрал, а все впереди идет! – не без досады проговорил старший офицер, ревнивый к достоинствам других судов и точно оскорбленный за отставание «Резвого».

Он взял бинокль и жадным взглядом впился в «Голубчика», надеясь увидеть какую-нибудь неисправность в постановке парусов. Но напрасно! На «Голубчике», стройном, изящном и красивом, все было безукоризненно, и самый требовательный глаз не мог бы ни к чему придраться. Недаром и там старший офицер был такой же дока и такой же ученик беспокойного адмирала, как и Михаил Петрович.

Старший офицер несколько минут еще любовался «Голубчиком» и, отводя бинокль, промолвил:

– Славный клиперок!

Владимир Андреевич совсем чужд был этим морским ощущениям и, равнодушно взглянув на «Голубчика», спро-

сил:

- А долго мы простои́м в Нагасаки, Михаил Петрович?
- Возьмем уголь и уйдем.
- В Австралию?
- Говорят, что в Австралию.
- Разве это не на́верное?
- Да разве с нашим адмиралом знаешь на́верное, куда кто по́йдет?.. Держи карман! Я вот в первое свое плавание у него в эскадре вполне был уверен, что по́йду в Калькутту, а знаете ли куда пошел?
- Куда?
- В Камчатку!
- Как так?
- Очень просто. Поревел меня с одного клипера на другой – и шабаш! Вы, Владимир Андреевич, его, видно, еще не знаете... Он любит устраивать сюрпризы! – засмеялся старший офицер.

И вдруг вспомнив, что еще не осмотрел машинного отделения, сорвался внезапно с мостика, стремглав сбежал по трапу и, озабоченный, скрылся в палубе.

Неморяк, который уви́дал бы в этот момент старшего офицера, на́верно, подумал бы, что он сошел с ума или что на судне несчастье.

III

Тем временем Васька, наполнив кувшинчик кипятком и сказав коку, чтобы готовил кофе и поджаривал сухари, довольно беспечно беседовал у камбуза с молодым писарьком адмиральского штаба Лаврентьевым, который был первым щеголем, понимал деликатное обращение, знал несколько французских и английских фраз, имел носовой платок и носил на мизинце золотое кольцо с бирюзой.

Казалось, Васька мало заботился о том, что адмирал ждет горячей воды, и рассказывал приятелю-писарю о том, что за чудесный этот город Сидней, в котором он был с адмиралом в первое плавание.

– Прежде в нем одни каторжники жили, вроде как у нас в Сибири, а теперь, братец ты мой, как есть столица! Всего, что хочешь, требуй!.. И театры, и магазины, и конки по улицам, и сады, одно слово – видно образованных людей. И умны эти шельмы, англичане. Ах, умны! Особенно насчет торговли... Первый народ в свете!

Адмиральский кок (повар), пожилой матрос, тоже ходивший с адмиралом второй раз в плаванье, заметил:

– Смотри, Василий, адмирал тебя ждет... Как бы не осерчал!

– Подождет! – хвастливо кинул Васька и продолжал: – Слышно, что из Нагасак беспременно в Сидней пойдем...

Так уж я тебе, Лаврентьев, все покажу... Прелюбопытно... А барышни – один, можно сказать, восторг!..

– Ой, Василий... Иди-ка лучше до греха... А то шаркнет он тебя этим самым кувшином! – снова подал совет повар.

– Так я его и испугался!.. Я – вольный человек. Чуть ежели что: пожалуйста расчет, и адью! В первом городе и уйду, если будет мое желание... И то, слава богу, потрафляю ему... Знаю его характер. Другой небось на него не потрафит... И он это должен понимать... Без меня ему не обойтись!

– Положим, ты вольный камардин, а все ж таки побереги свои зубы... Сам, кажется, знаешь, каков он в пылу... Не доведи до пыла... Беги...

– Ступай в самом деле, Василий Лукич! – проговорил и писарь.

Советы эти были своевременны, и Васька отлично это чувствовал. Но желание поломаться и показать, что он несколько не боится, было так сильно, что он продолжал еще болтать и не представлял себе, что адмирал, в ожидании горячей воды, уже бешено и порывисто, словно зверь в клетке, ходит в одном нижнем белье по большой роскошной каюте, бывшей приемной и столовой, и нервно поводит плечами.

Еще одна-другая раздражительная минута напрасного ожидания, как дверь адмиральской каюты приоткрылась, и на палубе раздался резкий, металлический, полный энергия и закипающего гнева голос:

– Ваську послать!

Владимир Андреевич невольно вздрогнул, словно лошадь, получившая шпоры, и торопливо, во всю силу своих легких крикнул визгливым тенорком:

– Ваську послать!

– Ваську посла-а-ть! – раздался зычный голос боцмана в палубу и долетел до ушей Васьки.

– Дождался! – иронически бросил кок.

– Ишь ведь, не потерпит секунды... Черт! – проговорил Васька и уж далеко не с прежним видом гоголя выскочил наверх и понесся к адмиралу с кувшином в руках, придумывая на бегу отговорку.

Едва только красная жокейская фуражка исчезла под ютом, как через отворенный и прикрытый флагом люк адмиральской каюты слышались раскаты звучного адмиральского голоса, прерываемые тоненькой и довольно нахальной фистулой Васьки.

– Мерзавец! – донесся заключительный аккорд, и все смолкло.

Адмирал начал бриться.

Минут через двадцать адмирал, свежий, с гладковыбритыми мясистыми щеками, в черном люстриновом сюртуке, с белоснежными отложными воротничками сорочки, открывавшими короткую загорелую шею, легкой поступью вошел на мостик и в ответ на поклон смутившегося Владимира Андреевича снял фуражку, с приветливой улыбкой протянул широкую руку и весело проговорил:

– С добрым утром, Владимир Андреич!

И, бросив довольный взгляд на широкий простор океана, прибавил:

– А ведь мы славно идем, не правда ли?

– Отлично, ваше превосходительство! Десять узлов!

– И погода чудесная... Позвольте-ка бинокль.

Владимир Андреевич передал бинокль, и адмирал, подойдя к краю мостика, стал смотреть на шедший впереди и чуть-чуть на ветре клипер «Голубчик».

«Он в духе сегодня!» – радостно подумал Владимир Андреевич, поглядывая на беспокойного адмирала.

IV

Полюбовавшись клипером, адмирал отвел глаза от бинокля и, передав его вахтенному офицеру, видимо удовлетворенный, стал смотреть в океанскую даль.

Он снял белую с большим козырем фуражку, подставив ветру свою большую черноволосую, заседавшую у висков, коротко остриженную голову, и с наслаждением вдыхал утреннюю прохладу чудного морского воздуха.

Это был плотный и крепкий человек небольшого роста, лет сорока пяти-шести, кряжистый, широкий в костях, с могучей грудью, короткой шеей и цепкими, твердыми, толстыми «морскими» ногами. Его смугловатое, подернутое налетом сильного загара скуластое лицо с резкими и неправильными чертами широковатого носа, мясистых «бульдожьих» щек и крупных губ с щетинкой подстриженных «по-фельдфебельски» усов дышало силой жизни, смелостью, избытком энергии беспокойной и властной натуры и той несколько дерзкой самоуверенностью, которая бывает у решительных, привыкших к опасностям людей. Большие, круглые, как у ястреба, слегка выкаченные черные глаза, умные и пронзительные, блестели, полные жизни и огня, из-под густых, чуть-чуть нависших бровей, лоб был большой и выпуклый.

И в этом энергичном лице, и во всей этой коренастой, дышавшей здоровьем фигуре чувствовалось что-то стихийное,

сильное и необузданное, и в то же время доброе и даже простодушное, особенно во взгляде, мягком и ласковом, каким в настоящую минуту адмирал смотрел на море.

Глядя на этого человека даже и в эти спокойные минуты созерцания, никто не подумал бы усомниться в заслуженности составившейся о нем во флоте репутации лихого и решительного, знающего и беззаветно преданного своему делу моряка и деспотически страстного, подчас бешеного человека, служить с которым не особенно покойно. Недаром же в числе многочисленных кличек, которыми наделяли адмирала в Кронштадте, была и кличка «чертовой перечницы».

Прошрое его было, разумеется, хорошо известно среди моряков.

Все знали, что он был «отчаянный» кадет и вышел из морского корпуса в черноморский флот, куда выходили по преимуществу молодые люди, не боявшиеся строгой службы, где и получил основательное морское воспитание в школе Лазарева, Корнилова и Нахимова. Любимец двух последних адмиралов и восторженный их поклонник, он выдвинулся в Крымскую кампанию, приобретая известность исполнением всяких опасных поручений и особенно своими смелыми выходами на небольших пароходах из блокируемого неприятельским флотом Севастополя и дерзким крейсером в Черном море, полном неприятельских судов.

Корнев – так звали начальника эскадры – делал блестящую по тем временам карьеру, тем более для человека без

всяких связей и протекции. Вскоре после войны он, флигель-адъютант, сорока лет от роду, был произведен в контр-адмиралы и уж второй раз командовал эскадрой Тихого океана.

Когда полгода тому назад, совершенно неожиданно, Корнев приехал на смену своего предместника, умного и образованного адмирала N., но совсем не моряка в душе, почти чуждого подчиненным, державшего себя от них в отдалении и обращавшего со всеми с любезной и брезгливой холодностью служебного баловня, богача и аристократа, – все тотчас же почувствовали нового начальника эскадры и его беспокойную натуру.

Эскадра оживилась, как оживляется добрый конь, почувшый опытного и смелого всадника. Все старались подтянуться. Между судами появилось соревнование. Офицеры и матросы сразу почувствовали в новом адмирале не только начальника, но страстного моряка и знающего ценителя. Он взбудоражил всех, приподнял самолюбие и как-то осмыслил службу, этот беспокойный адмирал, требуя не одного только исполнения обязанностей, а, так сказать, всей души.

Ураганом пронесся он, явившись на свой флагманский корвет «Резвый», когда после обычного опроса у команды претензий узнал, что ревизор плохо кормит людей и не все выдает им по положению. Командир и ревизор были «разнесены вдребезги». Ревизору было приказано немедленно «заболеть» и ехать в Россию. «Жаркую баню» пришлось выдер-

жать и одному юнцу гардемарину, который наказал розгами матроса, не имея на то права. Гардемарин был назван «щенком» и переведен на другое судно. И опять досталось капитану, допустившему такой «разврат».

Не прошло и месяца с приезда адмирала, как на эскадре, собравшейся в Хакодате, начались перетасовки.

Адмирал своей властью сменил двух старых, не особенно бравых и энергичных капитанов, решив после знакомства с ними в море, что они «бабы». Предложив им ехать в Россию, он, не желая повредить им, дал о них министру лестные аттестации и объяснил, что хотя они и вполне достойные капитаны, но слабое их здоровье делает их не совсем пригодными к беспокойным океанским плаваниям. Вместо них он назначил двух, относительно молодых, старших офицеров, а на их места — совсем молодых лейтенантов, ходивших с ним в первое его плавание.

После этих перемен адмирал несколько успокоился.

Нечего говорить, что в Петербурге, привыкшем к канцелярским перепискам и к боязливой нерешительности начальников эскадр сделать что-нибудь неуютное высшему начальству, были очень недовольны адмиралом, который так круто и самовольно распоряжается.

Управляющим министерством в то время был адмирал Шримс, почти не бывавший в море, всю жизнь прослуживший в штабах, очень умный человек, известный хорошо морякам, особенно молодым, с которыми он обращался с фа-

миллярной простотой, как веселый балагур и циник, любивший крепкие и пряные словечки. Весьма ревнивый к власти и давно привыкший к ней, он приказал написать Корневу строгое внушение, поставив ему на вид самовластие его распоряжений и молодость и неопытность назначенных им капитанов и старших офицеров. Бумага заканчивалась предписанием впредь не сменять капитанов без его, адмирала Шримса, разрешения.

Эта бумага была получена в Сан-Франциско недели три тому назад.

Адмирал прочитал ее, швырнул на стол, зашевелил скулами и гневно воскликнул, вращая белками:

– Ведь эдакий болван, этот Шримс, хоть, кажется, и умный человек!

Бывший зачем-то в эту минуту в адмиральской каюте флаг-капитан адмирала, худощавый, чистенький и прилизанный молодой белобрысый капитан-лейтенант Ратмирцев, щеголявший изысканными, великосветскими манерами и ханжеством, испуганно взглянул на адмирала, которого боялся больше, чем моря, и в душе презирал за грубые манеры.

Казалось несколько странным, как подобный «придворный суслик», как прозвали гардемарины этого франтоватого и светского капитан-лейтенанта, мог быть флаг-капитаном у такого человека, как беспокойный адмирал.

Но дело объяснялось просто.

Совершенно неспособный к морской службе, трусливый

и мямля, Ратмирцев благодаря связям и протекции командовал клипером в эскадре Тихого океана. Долго Корнев не встречал этого клипера, откомандированного в крейсерство у берегов Приморской области. Но как только адмирал его встретил и проплавал на нем с неделю, он немедленно «убрал» Ратмирцева, предложив ему совершенно неотвественное место флаг-капитана ³, вполне уверенный, что Ратмирцев сам будет проситься скорей в Россию, так что его не придется и «сплавлять».

Адмирал снова взял полученную бумагу, снова прочел и снова воскликнул тоном, не допускавшим ни малейшего сомнения, швыряя бумагу:

– Болван...

Ратмирцев хотел было дипломатически исчезнуть из каюты.

Адмирал заметил это намерение и резко сказал:

– Прошу, Аркадий Дмитрич, подождать минутку.

И, не обращая внимания на присутствие флаг-капитана, продолжал:

– Скотина эдакая: сидит там в кабинете и ничего не понимает...

Ратмирцев только ежился, скандализированный этими выражениями.

«Совсем грубое животное!» – подумал Ратмирцев.

Прошла минута-другая молчания.

³ Флаг-капитан – должность вроде начальника штаба. (Прим. автора.)

– Аркадий Дмитрич!

– Что прикажете, ваше превосходительство? – изысканно-вежливым тоном спросил флаг-капитан, почтительно и очень красиво наклоняя туловище.

– Потрудитесь сегодня же, сейчас, немедленно, – нетерпеливо и резко говорил адмирал, слегка заикаясь и словно бы затрудняясь приискивать слова, – написать приказ по эскадре, что я изъявляю свою особенную благодарность командующим «Забияки» и «Коршуна» за примерное состояние введенных им судов.

Командующие этими судами были недавно назначенные адмиралом и не утвержденные в звании командиров в Петербурге, о чем просил адмирал.

– Слушаю, ваше превосходительство.

– Да напишите приказ, Аркадий Дмитрич, в самых лестных выражениях... И не забудьте-с, Аркадий Дмитрич, копию с приказа вместе с другими бумагами послать в Петербург.

– Слушаю, ваше превосходительство.

– Пусть там прочтут-с! – сказал, усмехнувшись, адмирал, видимо, довольный сделанным им распоряжением и начавший «отходить».

Он передал флаг-капитану несколько бумаг из Петербурга и приказал приготовить ответы, какие нужно.

– А на эту я сам отвечу! – значительно произнес адмирал, словно бы угрожая кому-то.

И, отложив бумагу в сторону, адмирал уставил свои большие круглые глаза, еще сверкавшие гневным огоньком, в почтительно-равнодушное, бесцветное, белобрысое лицо флаг-капитана.

Судя по этому взгляду, тот ждал: не будет ли еще каких приказаний?

Но вместо этого адмирал после долгой томительной паузы совершенно неожиданно произнес:

– Знаете ли, что я вам скажу, любезнейший Аркадий Дмитрич... Ужасно сильно вы душитесь... Какие у вас это духи? – прибавил, видимо, сдерживаясь адмирал я думая про себя: «И какой же ты вылощенный дурак!»

Вот что хотел он ему сказать этим вопросом о духах.

Ратмирцев, несколько изумленный и сконфуженный, про-
бормотал:

– Опопонакс, ваше превосходительство!

– Опопонакс?! Отвратительные духи-с! Можете идти, Аркадий Дмитрич, и потрудитесь сию минуту написать приказ! – прибавил адмирал.

Вслед за тем адмирал принялся за письмо к Шримсу. Письмо было довольно убедительное.

Корнев извещал, что за несколько тысяч миль довольно трудно испрашивать разрешений и что, отвечая за вверенную ему эскадру, он должен быть самостоятельным и считает себя вправе сменять офицеров по своему усмотрению, а с завязанными руками командовать эскадрой сколько-нибудь

достойно уважающему себя начальнику решительно невозможно, с чем, разумеется, согласится всякий адмирал, бывший в плаваниях, — подпустил Корнев шпильку своему начальнику, никогда не командовавшему ни одним судном. Что же касается до молодости назначенных им капитанов, то он «позволяет себе думать», что молодые, способные и энергичные капитаны несравненно полезнее старых, бездеятельных или болезненных и что в деле выбора людей на должности, требующие знания и отваги, решительности и находчивости, нельзя сообразоваться с летами. Такие знаменитые учителя, как Лазарев и Корнилов, в назначениях руководились не годами службы, а морскими качествами, и «я сам имел честь командовать в Черном море шкуной в лейтенантском чине». Из посланной при рапорте копии с приказа по эскадре его превосходительство убедится, что назначенные им командиры вполне достойные и лихие моряки, и он считает за честь иметь таких капитанов в эскадре. В заключение адмирал снова просил утвердить их в звании командиров, если только высшему морскому начальству угодно, чтоб он командовал эскадрой, и прибавлял, что он и впредь будет действовать, руководствуясь правами, предоставленными уставом начальнику эскадры в отдельном плавании, и принимая на себя ответственность за сделанные им распоряжения, клонящиеся к поддержанию чести русского флага.

В том же письме адмирал сообщал, что вследствие полной неспособности в морском деле капитан-лейтенанта Ратмир-

цева, более годного для береговой службы, чем для плаванний, он почел своим долгом отрешить названного офицера от командования клипером и назначить его временно своим флаг-капитаном, хотя до сих пор он и обходился без такового, довольствуясь одним флаг-офицером, а для приведения позорно запущенного клипера в должный порядок и вид, соответствующий военному судну, он назначил командующим лейтенанта Осоргина, вполне достойного офицера, бывшего старшим офицером на лучшем судне эскадры, на клипере «Голубчик».

Нетерпеливый адмирал в тот же день отправил это письмо, после чего значительно повеселел и, съехавши на берег в своем статском, неуклюже сидевшем на нем платье и с цилиндром на голове, похожий скорей на какого-нибудь принарядившегося мелкого лавочника, чем на адмирала, – зазвал двух гардемарин, которые не успели юркнуть от него в другую улицу, в гостиницу, угостил их обедом, хотя они и клялись, что только что пообедали, и на обедом рассказывал им, какие доблестные адмиралы были Лазарев, Нахимов и Корнилов. И, что всего удивительнее, адмирал ни разу не разнес своих гостей – ни за то, что они ели рыбу с ножа, ни за то, что они наливали белое вино в стаканы, а не в рюмки, ни за то, что не знали знаменитого приказа Нельсона пред Трафальгарским сражением, ни за то, что до сих пор не написали заданного им сочинения о том, как взять Сан-Франциско и разгромить тремя клиперами и двумя корветами пред-

полагаемую на рейде неприятельскую эскадру, значительно превосходящую своими силами.

И когда наконец адмирал отпустил гардемарин, они радостно выбежали на улицу и оба в один голос сказали, весело смеясь:

– Глазастый черт сегодня штилюет!

Когда в Петербурге было получено письмо Корнева, адмирал Шримс проговорил, обращаясь к своему директору канцелярии:

– Посмотрите, что пишет нам башибузук... Артачится...

И с тонкой улыбкой умного человека заметил:

– И ничего ведь не поделаешь с этим сумасшедшим «брызгасом»! Черт с ним! Пусть себе лучше сатрапствует вдали, а не пристаёт здесь с разными затеями... Ведь у Корнева вечно перец под хвостом! – смеясь, прибавил Шримс, зная благоволение, каким пользуется Корнев у высокопоставленного генерал-адмирала, и ревнуя к нему. – Утвердите всех назначенных им командиров... Пусть они там все беснуются со своим адмиралом!

И адмирал Шримс залился густым веселым хохотом.

Пробило шесть склянок.

Адмирал перестал любоваться морем и, надев фуражку, поднял глаза на рангоут.

Лейтенант Снежков, следивший за каждым шагом адмирала, тоже возвел очи, чувствуя душевное беспокойство.

— А я на вашем месте, Владимир Андреевич, давно бы прибавил парусов, а то срам-с... мешаем «Голубчику» нести брамсели!

— Какие прикажете поставить, ваше превосходительство? — испуганно спросил вахтенный лейтенант.

— Сами разве не знаете-с? — внезапно закипая, воскликнул адмирал. — А еще морской офицер! Ставьте лиселя с правой и топселя!..

Снежков засуетился и закомандовал.

Суетливость его, видимо, раздражала беспокойного адмирала. Уже заходили скулы и стали подергиваться плечи его превосходительства, но быстро исполненный маневр постановки парусов вернул ему прежнее хорошее расположение духа.

Корвет чуть-чуть прибавил ходу, и адмирал с самым приветливым видом сказал, чувствуя потребность ободрить смущенного лейтенанта:

— Вот видите, любезный друг, мы на четверть узла и прибавили ходу...

Этот «любезный друг» не привел, однако, лейтенанта Снежкова в радостное настроение. И он, как и другие, очень хорошо знал, что у беспокойного адмирала вслед за «любезным другом» мог появиться такой нелюбезный окрик, от которого у тетки Авдотьи положительно душа уходила в пятки.

– А что, гардемарины встают?

– Не знаю, ваше превосходительство.

– Да что вы меня титулуете?.. Я сам знаю, что я его превосходительство... Пошлите-ка будить гардемарин... Нечего им валяться... Такое прекрасное утро, а они спят.

V

Гроза офицеров, беспокойный адмирал особенно schoлил юнцов гардемаринoв, относительно которых был не только требовательным адмиралом, но, так сказать, и гувернером-педагогом, заботившимся не об одной морской выучке, а также о пополнении общего образования, довольно скудно отпущенного морякам морским корпусом.

Нечего и говорить, что шесть гардемаринoв и три штурманские кондуктора, бывшие на флагманском корвете, не очень-то были признательны своему надоедливому учителю, и, признаться, надоел он им таки порядочно.

И зато каких только прозвищ они ни придумывали адмиралу и каких только стихов ни сочиняли про него!

Когда адмирал спустился с мостика и заходил по шканцам, в открытый люк гардемаринской каюты до него доно-сился веселый говор встающих молодых людей. И вдруг чей-то тенорок запел:

Не пора ль рассказать.
Как пришлось нам ждать
Адмирала.

«Про меня!» – подумал, усмехнувшись, адмирал, поворачиваясь от люка.

Приблизившись снова к люку, он услышал уже следующий куплет:

Всюду тыкал свой нос,
Задавая «разнос»,
Черт глазастый!

«Ишь... „черт глазастый“! Это непременно Ивков сочинил... Дерзкий мальчишка!» – мысленно говорил адмирал, чувствовавший некоторую слабость к этому «дерзкому мальчишке», которого он уж грозил раз повесить и раз расстрелять.

– Пожалуйте кофе кушать! – доложил, приблизившись, Васька недовольным, обиженным тоном, представляясь, что дуется на барина.

– Хорошо.

В гардемаринской каюте мгновенно наступила тишина. Чья-то голова высунулась в люк и скрылась.

– Пожалуйте, а то кофе остынет. Меня же станете ругать. Опять я останусь виноватым, – говорил Васька.

– Иду, иду... Не ворчи, каналья.

Адмирал отправился в каюту.

В это время на палубе показался гардемарин Ивков.

Адмирал обернулся и, увидав Ивкова, подозвал его.

Тот подошел и приложил руку к козырьку фуражки.

– Доброго утра, Ивков, – проговорил адмирал, подавая гардемарину руку и весело и ласково поглядывая на него...

– Вы чай пили?

– Пил, Иван Андреевич.

Адмирал как будто был недоволен, что Ивков пил чай, и сделал гримасу.

– Ну, все равно... Покорнейше прошу ко мне кофе пить... Надеюсь, не откажетесь? – любезно предложил адмирал.

«Черта с два откажешься!» – подумал Ивков, отлично зная, что просьба адмирала была равносильна приказанию.

Бывали примеры! Однажды гардемарин, обиженный на адмирала, который «разнес» его утром, ответил Ваське, явившемуся в тот же день передать адмиральское приглашение к обеду, что он не может быть, – так была история!

Немедленно гардемарина потребовали наверх к адмиралу.

– Почему вы не можете быть, любезный друг? – осведомился адмирал.

Гардемарин не мог придумать удовлетворительного объяснения. Сказаться больным было невозможно – у него был предательски здоровый вид. И он угрюмо молчал.

– Быть может, не расположены? – предложил коварный вопрос адмирал, уже начинавший ерзать плечами.

– Не расположен, – отвечал гардемарин.

Адмирал тотчас же вспыхнул:

– Не расположены-с?! Он не расположен! Да как вы смаете быть не расположены идти обедать к адмиралу, а?.. Вы полагаете, что мне очень приятно видеть такого невежу у се-

бя за столом и я поэтому вас пригласил?.. Скажите пожалуйста!». Я вас зову обедать по службе, и вы не смеете отказываться! Поняли? К шести часам быть к обеду! – резко оборвал адмирал.

После такого, не особенно любезного, служебного характера приглашения пришлось, разумеется, явиться к обеду, иначе, того и гляди, беспокойный адмирал приказал бы силою привести смельчака, который вздумал бы упорствовать в отказе.

К тому же адмирал любил за обедом знакомиться, так сказать, более интимно с подчиненными, любил гостей у себя за столом и был гостеприимным и радушным хозяином, пока не становился бешеным адмиралом. Каждый день у него, кроме штабных – флаг-капитана и флаг-офицера – да командира, обедали вахтенный офицер, вахтенный гардемарин, стоявшие на вахте с четырех до восьми часов утра, и по очереди старший офицер, штурман, механик, артиллерист и доктор.

Недавняя история с Лукьяновым быстро пронеслась в голове Ивкова.

И он, поблагодарив за приглашение и мысленно проклиная его, не особенно веселый, с понуренным видом влопавшегося человека, вошел вслед за адмиралом в его приемную и вместе столовую.

Это была огромная, роскошная, полная света каюта, отделанная щитами из красного дерева, с небольшим балко-

ном за кормой, в раскрытые двери которого, словно в рамке, виднелся океан и голубое высокое небо. Ковер во всю каюту, диван вокруг стен, мягкая мебель, качалки, библиотечный шкаф и большой стол посередине – все это было роскошно и солидно. Двери по бокам вели в кабинет, спальню, уборную и ванную этого комфортабельного адмиральского помещения.

– Эй, Васька! Еще чашку! – крикнул адмирал, подходя к небольшому столу в глубине каюты, у дивана, накрытому белоснежной скатертью. – Садитесь, любезный друг, – обратился он к Ивкову, опускаясь на диван.

На столе аппетитно красовались свежие, только что испеченные вкусные булки и сухари, тарелочки с ломтиками холодной ветчины и языка, сыр, масло и банка с консервированными сливками.

Васька подал две большие чашки горячего кофе; адмирал сам положил в обе чашки сливок, размешал и, подавая одну чашку Ивкову, промолвил:

– Кофе Васька хорошо варит...

Он принялся за кофе, заедая его бутербродами. Вид вкусных яств соблазнил и гардемарина, хотя он и пил только что чай.

– Кушайте, кушайте на здоровье, Ивков... Быть может, вы любите печенье?... Эй, Васька! Поддай нам печенья!..

Несколько минут прошло в молчании. Адмирал кончил свою чашку и приказал Ваське подать Ивкову другую.

– Благодарю, Иван Андреевич, я больше не хочу.

– Выпейте... Ведь вы у себя такого кофе не пьете...

– Мы чай пьем.

– То-то и есть. Васька, налей!

– Я, право, не хочу более, Иван Андреевич. Разрешите не пить! – просил, улыбаясь, Ивков.

– Ну, как хотите. Васька, не наливай и убери со стола!

Адмирал вынул портсигар и протянул его Ивкову.

Гардемарин, давно уже пробавлявшийся манилками и изредка позволявший себе полакомиться папиросками, покупая их за баснословно дорогую цену у Васьки (он запасся табаком и делал хороший гешефт, продавая их офицерам), разумеется, не отказался и закурил отличную душистую адмиральскую папироску, с наслаждением затягиваясь. Закурил и адмирал.

Попыхивая дымком, он уставил на Ивкова свои кроткие, слегка задумчивые теперь глаза и мягко и ласково проговорил:

– Смотрю я на вас, Ивков, и вспоминаю свою молодость, вспоминаю вашего батюшку и вашего покойного брата. Он ведь мой лучший друг был... с корпуса дружили... Прекрасный морской офицер был ваш брат... Его и Владимир Алексеевич Корнилов ценил, а Владимир Алексеевич не ошибался никогда. И батюшка ваш в свое время славился как лихой адмирал. Крутенок только был. Мы, тогда мичмана, боялись его, как огня.

В небольших, бойких и живых карих глазах Ивкова блеснула улыбка.

«И ты тоже бешеный. И тебя, брат, бояться!» – подумал он. – А вас, Петя, я вот каким маленьким знал! – прибавил нежным тоном беспокойный адмирал, хорошо знавший всю семью Ивкова.

Это фамильярное «Петя» и этот ласковый, интимный тон, по-видимому, были не особенно приятны гардемарину, и он не только не был этим тронут, но счел долгом принять необыкновенно серьезный и строгий вид: «Не размазывай, дескать!»

Совсем еще юный, почитывавший умные книжки и исповедовавший самые крайние мнения, он мечтал по возвращении в Россию «наплевать» на службу и «служить» народу – как, он и сам хорошенько не знал. Нечего и говорить, что он старался держать себя подальше от адмирала и его любезностей и часто в кают-компании и в кругу товарищей гардемарин зло подсмеивался над адмиралом, отлично подмечая недостатки, слабости и смешные его стороны, и еще более над теми «трусами» и «льстецами», которые выслушивают его дерзости и лебезят пред ним, и изливал немало гражданских чувств и остроумия в своих стихотворениях на адмирала. Пользоваться чьей-нибудь протекцией он, конечно, считал унижительным, злился, когда ему говорили, что Корнев его «выведет», и бывал в восторге, когда выводил адмирала из себя до того, что тот грозился его повесить на нока-рее,

во что Ивков ни на секунду не верил. Живой и увлекающийся, задорный, нетерпимый и несколько прямолинейный, он настраивал себя враждебно к адмиралу уже по тому одному, что тот был «начальство», да еще «отчаянный деспот», не понимающий, что все люди равны, и отдавшийся весь исключительно морскому делу, тогда как есть дела поважнее.

И Ивков, признавая в адмирале лихого моряка, все-таки относился к нему неодобрительно, слишком юный, чтобы простить ему его недостатки, оценить его достоинства и вообще понять всю эту сложную и оригинальную натуру.

Только впоследствии, когда он побольше повидал людей и когда жизнь его помяла, он многое простил беспокойному адмиралу и понял его.

Адмирал не замечал этой серьезности Ивкова и продолжал:

– И тогда вы были отчаянный мальчишка. Однажды вы со мной проделали злую-таки шутку... Помните?

– Не помню, ваше превосходительство.

Ивков нарочно протитуловал.

– А я так хорошо помню... Пришел как-то вечером я к вам... Целый день был на вооружении и устал... Сестра ваша, Любовь Алексеевна, пела... Я слушал и задремал... И вдруг вокруг меня смех... Я проснулся и что же?.. На голове у меня кивер... Это вы тогда надели...

И адмирал рассмеялся.

Помолчав, он неожиданно прибавил:

– А теперь я глазастый черт? А?.. Это ведь вы все стихи пишете про своего адмирала?..

– Я, ваше превосходительство...

– Очень хотел бы прочесть... Давеча я слышал только два куплета... А их, верно, много?

– Много...

– Так принесите... Любопытно, как вы меня браните... Очень любопытно...

– Вам мои стихи не понравятся, ваше превосходительство...

– Это уж мое дело.

– Что ж, я принесу! – задорно отвечал Ивков, словно бы говоря: «Я тебя не боюсь!»

– Ну, а теперь я вас попрошу, любезный друг, перевести несколько страниц лоции Кергалета... Книга у меня в кабинете... возьмите, а то вы все будете вздором заниматься... стихи писать... Да скажите гардемаринам, чтобы все пришли ко мне в десять часов... читать будем!.. И знаете ли что, Ивков?.. Ведь я очень люблю вас и хотел бы из вас бравого моряка сделать, да и всех ваших товарищей люблю, а вы все ничего не понимаете... Думаете: адмирал сумасшедший школит вас так, чтоб допечь?.. Ну, да после поймете, когда умнее станете! – каким-то пророческим тоном проговорил адмирал.

И с этими словами вышел из каюты.

VI

Тотчас же после подъема флага и обычных утренних рапортов о благополучии корвета во всех отношениях господ офицеры, собравшиеся к подъему флага на шканцах, торопливо спустились в кают-компанию, вполне удовлетворенные сегодня внешним видом адмирала. Казалось, он находился в отличном расположении духа – глаза не метали молний, плечи не ерзали, и руки не сжимались в кулаки, – словом, по всем признакам, ничто не предвещало «шторма» и общих «разносов», начинавшихся обыкновенно кратким, далеко не красноречивым, хотя и энергичным по тону предисловием о том, как завещали служить такие доблестные моряки, как Лазарев, Корнилов и Нахимов.

– А вы, господа, как служите-с?

Этот вопрос был, так сказать, штормовым предвестником. Затем начинался самый «шторм», доходивший иногда до степени «урагана», если вспыльчивый гнев адмирала поднимался до высшего предела, когда у Снежкова начинало болеть под ложечкой, а у некоторых дрожали поджилки и замирали сердца.

Не лишено было благоприятного значения и то обстоятельство, что сегодня на вахте Владимира Андреевича ему ни разу не попало. Недаром же он был весел после вахты, не имел чересчур ошалелого вида и не без некоторой хваст-

ливости рассказывал в кают-компании о любезности и приветливости адмирала, хотя подлец Васька и раздражил его, долго не подавая горячей воды для бритья.

— А я уж, признаться, было струсил. Думал, выйдет он сердитый и разнесет за что-нибудь вдребезги, — говорил с добродушной откровенностью Снежков, намазывая маслом ломоть белого хлеба.

— Нервы у вас, Владимир Андреич, того... слабы, хоть, кажется, бог вас здоровьем не обидел... Ишь ведь разнесло вас как, — заметил худой и поджарый маленький лейтенант Николаев. — Кажется, пора бы привыкнуть... Шесть месяцев мыкаемся с беспокойным адмиралом.

— То-то нервы, должно быть...

— Я вот привык, — продолжал маленький лейтенант с черными усами и бакенбардами, — и отношусь философски. Пусть себе орет как бешеный. Поорет и перестанет.

— Это вы правильно рассуждаете, — вставил пожилой белобрысый доктор, невозмутимый флегматик, которого, по видимому, ничто никогда не трогало, не удивляло и не возмущало. — Из-за чего расстраивать себе нервы и лишать себя хорошего расположения духа?.. Из-за того, что у нас адмирал беспокойный сангвиник?.. Не стоит...

— Вам, батенька, хорошо рассуждать... Вы, как доктор, стоите в стороне... Вам что? Вам только завидовать можно! — не без досады промолвил Снежков. — А будь вы в нашей шкуре...

– Остался бы таким же философом, поверьте, господа! – насмешливо бросил с конца стола черноволосый юный мичман Леонтьев, с нервным лицом, бойкими глазами и приподнятой верхней губой, что придавало его лицу саркастическое, слегка надменное выражение.

– Конечно, остался бы! – хладнокровно промолвил доктор.

– И кушали бы адмиральскую ругань? – задорно допрашивал мичман.

– И кушал бы...

– Похвальная философия... очень похвальная... Вообще у нас, господа, слишком много философии терпения и покорности. Вот эта самая философия и плодит таких самодуров, как наш адмирал.

– Ишь какой вы прыткий петушок! Скоро, батенька, упрыгаетесь! – снисходительно заметил доктор.

Но еще не «упрыгавшийся» мичман не обратил на эти слова ни малейшего внимания и, закипая, по обыкновению, необыкновенно быстро, продолжал:

– Я еще удивляюсь нашему башибузуку. Право, удивляюсь. Он еще мало ругается и мало разносит... Он еще церемонится...

– По-вашему, мало? – простодушно удивился Снежков.

– Разумеется, шла. Будь я на месте адмирала да имей дело с такими философами долготерпения...

– Что ж бы с ними сделали? Любопытно узнать, Сергей

Александрыч? – иронически спросил маленький лейтенант.

– Я бы еще не так ругал их... Каждый день унижал бы их человеческое достоинство, третировал бы их, как лакеев... одним словом... был бы вроде Ивана Грозного! – решительно объявил мичман.

– Это с вашим-то радикализмом?

– Именно с моим радикализмом...

– Зачем же такая свирепость, неистовый Сереженька? – спросил недоумевающий его товарищ.

– А затем, чтобы дождаться, когда наконец лопнет терпение и пробудится человеческое достоинство у терпеливых философов и мне дадут в морду! – не без пафоса выпалил мичман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.